

ЛИНГВИСТИКА

ДИСКУРС И СЕМАНТИКА

DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-196-213

Т. В. Дубровская¹

Пензенский государственный университет

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина*

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕДИНЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ: ЛЕКСИКА С МОРФЕМАМИ МЕЖ-/МЕЖДУ-, ВЗАИМО- И ОБЩЕ- (ОПЫТ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА)

В статье исследуется семантика единения в Концепции внешней политики РФ как образце политико-правового дискурса. Автор выявляет лексические единицы с морфемами *меж-/между-*, *взаимо-* и *обще-*, определяет их частотность и сочетаемость, языковую и контекстуальную семантику. Показано, что лексические единицы рассматриваемых групп связаны между собой несколькими дискурсивными механизмами, которые в совокупности актуализируют семантику единения социальных акторов и положительный аксиологический статус единения. Выявлены типичные репрезентации и модели единения. Предложенная интегративная методика позволяет объединить системно-языковые данные и дискурсивные механизмы и может быть использована для анализа семантики разного объема корпусов политико-правовых и юридических текстов.

Ключевые слова: лексика, семантика единения, политико-правовой дискурс, морфема, словосочетание, коллокация, контекст, репрезентация.

T. V. Dubrovskaya

Penza State University

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

DISCURSIVE CONSTRUCTION OF UNITY IN FOREIGN POLICY CONCEPT OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEXIS WITH MORPHEMES MEZH-/MEZHDU-, VZAIMO- AND OBSCHE- (INTEGRATIVE APPROACH)

The paper explores the semantics of unity in Foreign policy concept of the Russian Federation, which is taken as a sample text within legal-political discourse. The author reveals lexical units with the morphemes *mezH-/mezhdU-*, *vzaimo-* and *obsche-* (inter- / between-, inter- and general-), determines their frequency and collocations, linguistic and discursive semantics. The claim

¹ Татьяна Викторовна Дубровская, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык» Пензенского государственного университета; ведущий научный сотрудник кафедры языков массовых коммуникаций Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; член Российской коммуникативной ассоциации, Международного общества по изучению аргументации (ISSA).

is advanced that the lexical groups under study become connected through several discursive mechanisms, which collectively actualize the semantics of unity between social actors as well as its positive axiological status. Typical representations and models of unity are discovered. The integrative methodology employed in the paper allows for uncovering systemic language features and discursive mechanisms, and can be used to analyse the semantics of legal-political and legal corpora.

Keywords: lexis, semantics of unity, legal-political discourse, morpheme, word combination, collocation, context, representation.

В данной работе представлены некоторые результаты научного исследования «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс», посвященного изучению лексических и фразеологических единиц русского языка, репрезентирующих семантику единения и вражды². Общей задачей исследования является выявление, комплексное описание и систематизация лексико-фразеологических средств выражения семантики единения и вражды во всем многообразии их проявлений. Материал исследования значителен и с точки зрения количества единиц с обозначенной семантикой, и с точки зрения социальных процессов и отношений, представленных данной лексикой. По этой причине в рамках данной статьи мы рассматриваем только определенную группу лексических единиц – лексику с морфемами *меж/между-*, *взаимо-* и *обще-*, выделяемую в тексте Концепции внешней политики Российской Федерации [Концепция, 2016].

Исследование проведено в русле критического дискурс-анализа, концептуальную основу которого образует понимание дискурса как социально-конструирующего явления, продуцирующего репрезентации. Репрезентация «предполагает практики означивания и символические системы, через которые мы производим смыслы. Дискурс-анализ часто изучает, как конкретные феномены (люди, понятия, события и т.д.) репрезентируются посредством использования языка» [Baker, Ellese, с. 117] (Здесь и далее перевод с английского языка мой. – Т.Д.). Иными словами, семантика текста, создаваемая средствами языка, наделена социальным смыслом: социальные явления и категории стратегически интерпретируются, репрезентируются и закрепляются в тексте, дискурсе и – шире – социальной жизни. Р. Ходж и Г. Кресс очень ёмко охарактеризовали зависимость восприятия действительности от языковых средств репрезентации: «<...> язык фиксирует мир в более стабильном и упорядоченном виде, чем мы фактически его наблюдаем, и таким образом он утверждается в сознании и становится тем, во что мы верим» [Hodge, Kress, 1993, с. 5].

Дискурсивное конструирование (англ. *discursive construction*) широко изучается как феномен политического и массмедийного дискурса. Отметим некоторые основные направления таких исследований. Поскольку любое общество строится на ряде общепринятых в нем ценностей, не теряет актуальности проблема концептуализации общественных ценностей средствами языка в речи политиков, журналистов, чиновников [Dubrovskaya, Kharlamova, 2012; Höög, 2020; Pantti, 2010; Sowińska, 2015]. Дискурсивное конструирование социальных акторов, индивидуальных

² Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20–68–46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»). The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20–68–46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

(н-р, президента страны, отдельных участников внешнеполитической деятельности) и коллективных (лагеря оппонентов, геополитического союза стран), также становится предметом рассмотрения лингвистов [Гаврилова, 2020; Иванова, 2016; Дубровская, 2017; Dubrovskaya, Kozhemyakin, 2017]. В отдельное направление можно выделить работы, изучающие конструирование социально значимых событий. Такие труды имеют ярко выраженную национальную специфику, касающуюся селекции событий: для анализа отбираются события, вызывающие разногласия в их интерпретации или несущие травмирующий опыт для нации в целом (н-р, Великая Октябрьская социалистическая революция в современной России [Русакова, Кочнева, 2017], русский День Победы в британских медиа [Солопова, Чудинов, 2018], вооружённый конфликт в Сирии [Осколова, 2020], Вторая мировая война в памяти солдат Вермахта [Benke, Wodak, 2003]). Из перечисленных в последнем ряду работ отметим статью О. Ф. Русаковой и Е. Д. Кочневой, в которой в фокусе внимания находятся практики коммеморации и их трансформации, имеющие символический характер. Авторы исследуют юридические основы таких трансформаций и показывают, как законодательные тексты и поправки в них в совокупности с публичными высказываниями политиков приводят к семиотической «перегруппировке смысловых структур» и символическому понижению статуса исторического события.

Проблематика нашего исследования касается дискурсивного конструирования единения и вражды как абстрактных категорий, выражающих отношения между индивидуальными и коллективными акторами. Оно соотносится и с концептуализацией общественных ценностей средствами языка (нельзя отрицать, что ценность единения/единства является одной самых пропагандируемых в российском государстве), и с дискурсивным конструированием социальных акторов как вступающих в отношения единения. Анализ языковых механизмов конструирования абстрактных категорий, в том числе единения и вражды, в юридических и политико-правовых документах даёт ключ к пониманию того, как юридический и политико-правовой дискурс формулирует обобщенные принципы общественного существования, которые затем реализуются в конкретных общественных практиках. Исследование также дает возможность более точно определить семантику «единения», выявляя типичные значения, сопряженные с ними смыслы, а также языковые средства ее реализации. В этом отношении можно говорить о том, что исследование обращено к общетеоретической проблеме различения системно-языковых и контекстуальных значений. Таким образом, исследование актуально и имеет научно-теоретическую значимость как для лингвистики, так и для общественных наук.

Цель, задачи и новизна исследования

В представленном фрагменте проведенного исследования мы ставим две цели разных уровней. Исследовательская цель состоит в том, чтобы определить характер функционирования лексики с морфемами взаимо-, меж-/между- и обще- с точки зрения её роли в дискурсивном конструировании семантики единения в тексте документа и, шире, в политико-правовом дискурсе. Данные морфемы выбраны, поскольку в качестве изолированных словообразовательных элементов они имеют значение связи между объектами и их объединения. Наряду с выявлением лексических единиц с указанными морфемами, определением

их частеречной принадлежности и частотности мы ставим задачу проследить их «поведение» в связном тексте: образование типичных сочетаний с другими единицами, передача смыслов и характер аксиологической нагрузки в контексте.

Не менее важной нам представляется цель методологического характера – предложить научному сообществу алгоритм авторского оригинального интегративного подхода, объединяющего анализ морфемной структуры слова и лексических значений слов, разбор конструкций с точки зрения семантического синтаксиса, интерпретативный дискурс-анализ и автоматическую обработку текста, и показать работоспособность предлагаемого интегративного подхода. Предлагаемый подход и полученные посредством его применения результаты составляют новизну исследования.

Материал исследования

Концепция внешней политики РФ, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 30 ноября 2016 года (далее – Концепция), является государственным программным документом и «представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации» (п. 1 Концепции). Обращение к документу такого рода в рамках выполнения нашего исследовательского проекта обусловлено прежде всего тем, что в нем зафиксированы международные процессы и отношения между социальными акторами, включая их объединение в группы, разъединение, конфликты и противостояния. Таким образом, документ дает богатый материал с точки зрения актуализации в политико-правовом дискурсе семантики единения и вражды.

Концепции, наряду со стратегиями и доктринами, считают документами политико-правовыми. (Статус таких документов подробно обсуждается в статье М. А. Мушинского [Мушинский, 2015], и мы не останавливаемся на этом подробно.) Как и собственно юридический дискурс, направленный на конструирование желаемого будущего, дискурс политико-правовой ориентирован на будущее, на определение отношений и действий социальных акторов. Кроме того, политико-правовые документы определяют аксиологию взаимодействия акторов социальных отношений (в нашем случае – отношений внешнеполитических), присваивая положительный аксиологический статус одним акторам и их действиям и отрицательный – другим.

Методология исследования и процедура анализа. В настоящем исследовании мы опираемся на дискурс-анализ, понимая его как некий общий подход к языковому материалу. По верному утверждению Е. А. Кожемякина и А. В. Полонского, «дискурс-анализ фактически представляет собой не метод, не инструмент и не алгоритм конкретных исследовательских действий, а скорее подход, направление, «дизайн исследования», в рамках которого могут быть применены самые различные методы и выбраны разные предметы для описания» [Кожемякин, Полонский, 2016, с. 5–6]. В поисках точности и стремлении избежать субъективных авторских интерпретаций, которые нередко характерны для дискурс-анализа, мы строим процедуру анализа на применении строгих лингвистических категорий, таких как морфемная структура слова, частеречная принадлежность

слова и тип словосочетания. В то же время, мы исходим из того, что «право представляет собой дискурсивную практику, и смысл юридических текстов не вытекает напрямую из языковых форм, а генерируется в процессе правовой коммуникации и интерпретации» [Дубровская, 2016, с. 119], и распространяем данную предпосылку на политико-правовой дискурс. В связи с этим неизбежно рассмотрению выделенных языковых единиц (слов и словосочетаний) в контексте документа.

В нашем исследовании мы интегрируем изучение морфемной структуры лексических единиц, их лексических значений и комбинаторики, а также элементы дискурс-анализа, позволяющие «привязать» лингвистический анализ к фрагментам социальной действительности и определить способы концептуализации социальных отношений в тексте. Для выявления интересующих нас единиц, их частотности и получения синтагматической информации (данных о типичных коллокациях лексических единиц) мы использовали программное обеспечение для автоматической обработки текста MonoConc Pro 2.2. В юридической лингвистике методы корпусной лингвистики успешно используются зарубежными учеными для анализа устной судебной коммуникации [Al Saeed, 2018; Johnson, 2018], для установления семантики юридических понятий и семантических различий между юридическими категориями путем обращения к корпусам судебных решений [Schneider, Zielasko, 2017; Vogel, 2017]. Об отечественных работах такого рода нам не известно. Мы надеемся настоящей статьёй сделать определенный вклад в развитие этого нового направления, объединив его с более традиционными методами чистой лингвистики. Такая особенность отличает наш подход от зарубежных работ.

Итак, мы ставим перед собой следующие вопросы, лежащие в основе пошаговой процедуры анализа:

1) какие лексические единицы с морфемами меж-/между-, взаимо- и обще- используются в тексте Концепции? Какую частеречную принадлежность они имеют? (Производится выборка лексических единиц, и определяется их частеречная принадлежность);

2) какова семантика выделенных единиц? (На основе словообразовательных моделей выявляется общая семантика единиц);

3) какова сочетаемость выделенных лексических единиц и как контексты употребления влияют на словарные значения единиц? (Определяются типичные коллокации и типы словосочетаний, в которых используются выделенные единицы, а также семантические отношения между их компонентами);

4) какие социальные акторы вступают отношения единения? Каков аксиологический статус единения в разных контекстах и каковы дискурсивные механизмы его формирования? (Выявляются контекстуально обусловленные положительные и отрицательные оценочные коннотации единения);

5) каковы результирующие репрезентации единения акторов, представленные в Концепции как нормативные?

Анализ лексических единиц с морфемами *меж-/между-,* *взаимо-* и *обще-*

Лексические единицы с морфемами *меж-/между-,* *взаимо-,* *обще-* и их семантика

Из трех выделенных групп в тексте Концепции наиболее употребимыми единицами являются префиксальные **прилагательные с морфемой *меж-/между-***: количество употреблений таких прилагательных равно 170. Согласно «Русской грамматике-80», прилагательные с префиксами *меж-* и *между-* имеют значение «находящийся (в пространстве или во времени) или происходящий, совершаемый между одинаковыми предметами, явлениями, обозначенными: а) словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное; б) словосочетанием с мотивирующим прилагательным в качестве определения» [Русская грамматика, 1980, с. 304]. Отмечается также, что данный тип продуктивен в научно-технической, общественно-политической и книжной речи.

Востребованность прилагательного '*международный*' (150 употреблений) легко объяснима с точки зрения тематики и прагматической направленности текста: очевидно, что политико-правовой документ, дающий внешнеполитические установки, будет часто ссылаться на такой объект регулирования, как международные отношения. (Рассматривая синтагматику лексем, далее мы покажем, что '*международные отношения*' – не единственное сочетание, в которое вступает лексема '*международный*'.) Список лексем с *меж-/между-* также включает следующие прилагательные: *международно-правовой, межгосударственный, межцивилизационный, межнациональный, межрелигиозный, межправительственный, межкорейский, межрегиональный.*

Другая лексическая группа состоит из **сложных единиц с морфемой *взаимо-*** (52 употребления в тексте документа). Она менее однородна с точки зрения частеречной принадлежности слов, поскольку включает ряд существительных (главным образом, отглагольных), прилагательное и глагол: *взаимобогащение, взаимозависимость, взаимодействие, взаимосвязь, взаимопонимание, взаимоуважение, взаимодополняемость, взаимовыгодный, взаимодействовать.* В перечисленных словах усеченная основа прилагательного '*взаимный*' носит уточнительный характер, конкретизируя содержание опорного компонента. Характеризуя семантику взаимности, Ю. П. Князев отмечает: «Взаимное (реципрокальное) значение связано прежде всего с собственно рефлексивным, поскольку в обоих случаях референт подлежащего совмещает роли субъекта и объекта (или субъекта и адресата) действия <...> При этом, однако, – поскольку субъект РцК является объектом (адресатом) не собственного действия <...>, а действия другого субъекта, который, в свою очередь является объектом идентичного действия со стороны первого субъекта, – взаимность предполагает неединичность множества участников ситуации» [Князев, 2007, с. 319]. Кроме неединичности множества участников ситуации, Ю. П. Князев отмечает также неединичность самого обозначаемого действия [Князев, 2007, с. 319].

Указание на неединичность, характеризующую как набор участников ситуации, так и производимое ими действие, важно для нашего исследования в свете того, что юридический и политико-правовой дискурс конструирует отношения между множественными акторами, а повторяемость и воспроизводимость репрезентируемых в документах действий определяет стабильный характер кодифицируемых отношений. Иначе говоря, политико-правовой документ, работающий не только на текущий момент, но и на перспективу, по сути своей предполагает мультипликативность ряда желаемых действий, составляющих картину социальных отношений. В нашем материале обозначения этих действий содержатся в опорном компоненте сложных лексических единиц с морфемой *взаимо-*. Из отглагольных существительных легко реконструировать мотивирующие глаголы и глагольные сочетания: обогащать, зависеть, действовать, понимать, уважать, дополнять, получать выгоду.

В то же время было бы ошибочно утверждать, что семантика взаимности и семантика единения полностью совпадают. Взаимность может носить характер противостояния. Именно поэтому для определения аксиологического статуса взаимности далее мы обратимся к типичным коллокациям, в которых встречаются единицы с морфемой *взаимо-*.

Третью группу образуют **сложные единицы с морфемой *обще-***. Таких единиц насчитывается всего четыре: *общепризнанный*, *общемировой*, *общеекономический*, *общеевропейский*, и они отвечают за 9 употреблений. Как видим, все они принадлежат к классу прилагательных. Морфема *обще-* выступает в качестве компонента, предшествующего опорному, и конкретизирует его содержание. «Русская грамматика-80» так поясняет семантику компонента *обще-*: «*Основа обще-* равнозначна основе слова *весь*, *все*: *общеизвестный* ‘известный всем’, *общеевропейский* ‘относящийся ко всей Европе’<...>» [Русская грамматика, 1980, с. 318]. Таким образом, общим семантическим значением лексем с *обще-* является наличие объединяющего признака или действия у нескольких субъектов. И как в случае с *взаимо-*, прагматическая ситуация, репрезентируемая лексемами с *обще-*, предполагает неединичность субъектов. Применительно к тексту документа это означает наличие по меньшей мере двух социальных акторов, вовлеченных в отношения друг с другом.

Таким образом, несмотря на различия в семантике трех описываемых лексических групп, ситуации с их использованием предполагают неединичность субъектов и наличие отношений (связи) между ними, а также их вовлеченность во взаимонаправленные действия либо существование у субъектов общих признаков.

Синтагматика лексических единиц, контекстуальная семантика и аксиологический статус. Объем и формат данной статьи не позволяет обсудить синтагматику всех выделенных единиц с обозначенными морфемами, и поэтому мы более подробно остановимся на самых частотных из них и сделаем ряд замечаний относительно других.

О международном праве, сообществах и сотрудничестве. Самой частотной лексемой с морфемой *между-* является лексема ‘*международный*’. При этом самым частотным правым коллокатом лексемы, то есть определяемым существительным, выступает существительное ‘право’ (20 употреблений). В свою очередь левым коллокатом словосочетания ‘международное право’ в 10 случаях является словоформа лексемы ‘норма’ (Рис. 1).

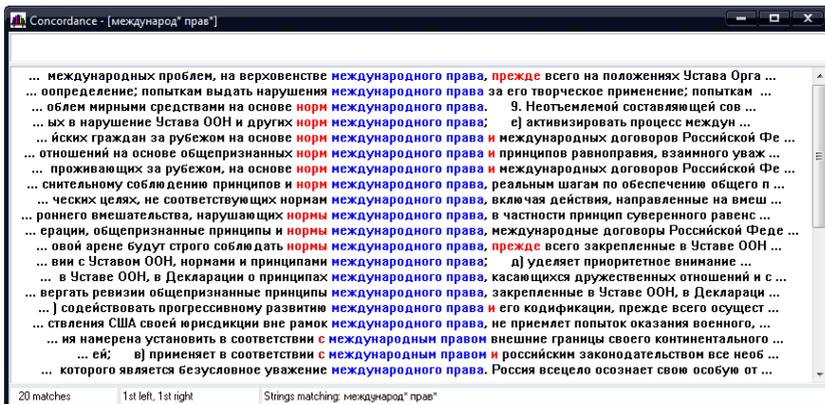


Рис. 1. Коллокация ‘международное право’.

Такие результаты позволяют предположить, что международное право концептуализируется в документе как важный элемент международной жизни, объединяющий вокруг себя разных внешнеполитических акторов, включая Россию. В то же время результаты автоматической обработки целесообразно дополнить качественным анализом контекстов. Рассмотрим примеры употребления сочетания ‘международное право’. Семантика единения разных акторов-государств на основе норм и принципов международного права эксплицитно выражена в следующем примере:

Россия рассматривает борьбу с международным терроризмом в качестве важнейшей государственной задачи и ключевого приоритета в сфере международной безопасности. В этой связи Российская Федерация:

<...> г) настойчиво стремится к объединению всех государств, всего международного сообщества в целях борьбы с терроризмом без политизации и предварительных условий в соответствии с Уставом ООН, нормами и принципами международного права. (п. 33 Концепции)

Россия репрезентируется как агенс, субъект активных действий (*настойчиво стремится*), направленных на других акторов с целью их объединения на основе международного права для борьбы с терроризмом. Семантика единения актуализируется в сочетаниях ‘*объединение всех государств*’ и ‘*международное сообщество*’. При этом у сложного словосочетания ‘*к объединению всех государств*’ есть распространяющая часть – ‘*в соответствии с ...нормами...международного*

права'. Таким образом, фрагмент дискурсивно конструирует объединение акторов и международное право как основу такого объединения. Отметим еще одну деталь: в примере обозначен и противник международного сообщества – международный терроризм. Этому коллективному актору присваивается отрицательный аксиологический статус в субстантивном сочетании '*борьбу с международным терроризмом*', актуализирующем семантику вражды и противостояния.³

В числе других частотных правых коллокатов лексемы '*международный*' – *безопасность, сотрудничество, организация, договор, мир, система, отношения, сообщество, усилия* и т. д. Некоторые другие используются однократно (н-р, диалог). Очевидно, что некоторые существительные из приведенного списка являются носителями семантики единения, и все они имеют либо нейтральную, либо положительно-оценочную коннотацию, распространяя её на всё высказывание. Приведем фрагмент, в котором формулируется одна из задач внешней политики РФ:

...развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и в рамках форумов на основе уважения принципов независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов; расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе, содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России. (п. 3 Концепции)

Вовлеченность в отношения множественных акторов маркирована не только прилагательным '*международный*' в субстантивных словосочетаниях (*международными организациями, международного сотрудничества*), но и синонимичной лексемой '*межгосударственными*' с морфемой *меж-*, сложными прилагательными '*двусторонних*' и '*многосторонних*'. А характеристика этих отношений как результата единения конструируется посредством словосочетания с положительно-оценочными прилагательными (*взаимовыгодного и равноправного партнерства*), существительных с эксплицитной семантикой единения (*объединения, сотрудничества, альянсов*), а также отрицательными прилагательными, значение которых выражено по принципу «от противного» (*неконфронтационного, недискриминационной*).

Таким образом, лексемы с морфемой *меж-/между-* входят в коллокации и лингвистические контексты, которые включают лексические единицы со значением единения. Такая совокупность языковых средств усиливает семантику единения, которая в контексте характеризует не отдельные единицы, а содержание текста в целом. Единение имеет положительный аксиологический статус, который в ряде случаев конструируется на фоне репрезентаций конфликтов и вражды.

³ Рассмотрение семантики вражды в юридическом и политико-правовом дискурсе не является непосредственной целью данной работы. Однако мы считаем возможным сделать некоторые наблюдения, поскольку единение нередко конструируется именно на фоне репрезентаций вражды и наоборот.

‘Взаимодействие’ во внешней политике как социально конструируемая категория. Лексическая группа единиц с морфемой *взаимо-* включает 9 слов, дающих 52 употребления. При этом самое большое количество употреблений (33) – это видно на Рис. 2. – дают словоформы лексемы ‘взаимодействие’.



Рис. 2. Единицы с морфемой *взаимо-*.

Последовательное рассмотрение синтагматики лексической единицы ‘взаимодействие’ может помочь нам построить нормативную модель взаимодействия России с другими акторами на международной арене, как оно представлено в Концепции. Для этого с помощью автоматической обработки текста ответим на следующие вопросы: Взаимодействие происходит между кем и кем? Какой характер носит взаимодействие?

В числе выявленных сочетаний – множественные коллокации с предлогом *с*, после которого указывается какой-либо актор: конкретный (*Австралия и Новая Зеландия, Исламская Республика Афганистан, Китай, Республика Белоруссия*), коллективный (*африканские государства, государства Северной Европы, партнеры в Черноморском и Каспийском регионах*) или обобщенный (*все государства, все заинтересованные государства, региональные и международные организации*). (См. Рис. 3.)

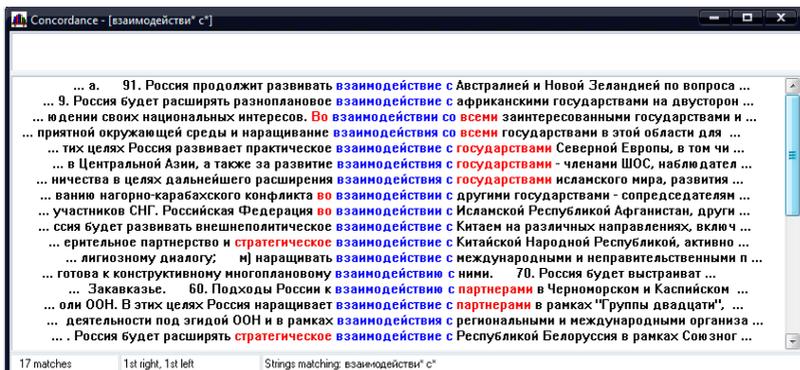


Рис. 3. Акторы взаимодействия с Россией.

В окне с результатами поиска видно также, что основной стороной взаимодействия выступает Россия. Именно этот актор вступает во взаимодействие с другими. Такая репрезентация закономерна в силу прагматики документа: авторство документа принадлежит России, и документ посвящен внешней политике страны. Приведем один из контекстов полностью:

Россия выступает за сохранение на севере Европы зоны доверия и стабильности на основе принципа равной и неделимой безопасности. В этих целях Россия развивает практическое взаимодействие с государствами Северной Европы, в том числе реализует в рамках многосторонних структур совместные проекты, учитывая при этом экологические аспекты и интересы коренных народов. (п. 71 Концепции)

Из примера видно, что лексема 'взаимодействие' выступает эксплицитным носителем семантики взаимности, которая, как мы писали выше, предполагает неединичность действий и направленность действий акторов друг на друга. Однако наряду с этой лексемой фрагмент содержит и другие единицы, актуализирующие семантику взаимности и единения: *доверие, равная безопасность, совместные проекты*. Положительный аксиологический статус этих единиц определяет соответствующий аксиологический статус всего пункта Концепции.

Сочетания с лексемой 'взаимодействие' с левым коллокатом-прилагательным дают ответ на вопрос, каким должно быть взаимодействие России во внешней политике. В числе коллокатов следующие (по алфавиту): *внешнеполитическое, гуманитарное, международное, многоплановое, многостороннее, практическое, разноплановое, региональное, экономическое, эффективное и системное, стратегическое*. Все выявленные прилагательные имеют либо нейтральную, либо положительно-оценочную коннотацию.

Кроме того, нормативную картину взаимодействия с другими акторами может дополнить список глаголов и отглагольных существительных, с которыми существительное 'взаимодействие' вступает в объектные отношения. Документ содержит следующие сочетания: *развивать взаимодействие, политизировать*

взаимодействие, наращивать взаимодействие, развивать взаимодействие, расширять взаимодействие, обеспечение взаимодействия, развитие взаимодействия, наращивание взаимодействия, расширение взаимодействия, укрепление взаимодействия, упрочение взаимодействия.

Приведенные словосочетания (за исключением ‘политизировать взаимодействие’) репрезентируют взаимодействие как положительный феномен международных отношений. Внешнеполитическое взаимодействие представлено в Концепции как социально конструируемая категория и объект регулирования, который должен поддерживаться усилиями государства.

Другие единицы с морфемой *взаимо-*, используемые в тексте Концепции, по сути, выступают контекстуальными гипонимами по отношению к ‘взаимодействию’. Взаимоуважение, взаимопонимание, взаимосвязь и др. являются частными проявлениями взаимодействия, включены в его семантику и сохраняют типичные характеристики ситуации – неединичность участников и повторяемость действий (например, *содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций* (п. 3 Концепции).

Что общего у внешнеполитических акторов? Из всех рассматриваемых групп лексики группа сложных слов с морфемой *обще-* самая малочисленная с точки зрения количества единиц (их всего 4). Употребления этих единиц нечастотны и включают *общеευропейский* (2 употребления), *общемировой* (2 употребления), *общепризнанный* (4 употребления), *общеекономический* (1 употребление) (Рис. 4). Небольшое количество единиц и их употреблений позволяет рассмотреть значения и контексты для всех.

Все четыре употребления лексемы ‘общепризнанный’ связаны с характеристикой принципов и норм международного права, выступающих объединяющим фактором в международных отношениях. Мы обсуждали это подробно в разделе 2.2.1. Кроме того, лексема ‘общеекономический’ не связана с объединением разных акторов, а выступает для обозначения российской экономической структуры. Поэтому мы не останавливаемся на её использовании.

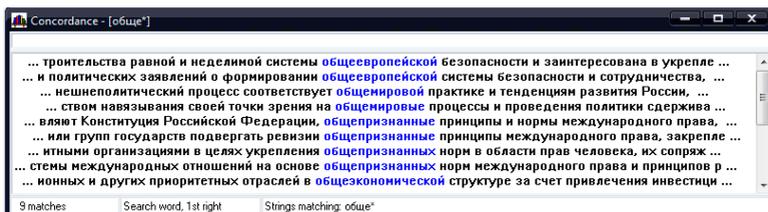


Рис. 4. Единицы с морфемой *обще-*.

Лексема ‘общеευропейский’ в обоих контекстах относится к системе безопасности (*система общеευропейской безопасности, общеευропейская система безопасности*). Формальная соотнесенность с разными существительными не меняет общего смысла сочетаний. Оба фрагмента содержат утверждения о необходимости такого объединяющего фактора в Европе, как общая система безопасности:

Россия рассматривает ОБСЕ в качестве важного механизма строительства равной и неделимой системы общеевропейской безопасности и заинтересована в укреплении ее роли и авторитета. (п. 68 Концепции)

Семантика единения актуализируется не только посредством лексемы 'общевропейский' со значением наличия объединяющего признака (система безопасности, общая для европейских стран), но и посредством атрибутов 'равной и неделимой'. Неделимость имеет прямую связь с семантикой единения, а равенство, как помним, образует семантическую пресуппозицию семантики взаимности. Иными словами, мы наблюдаем, что семантическое поле единения включает в себя единицы, значения которых связаны с взаимностью и равенством.

Прилагательное 'общемировой', встречающееся в сочетаниях 'общемировые процессы' и 'общемировая практика' и имеющее значение 'характерный для всего мира', выводимое из морфемной структуры, целесообразно рассмотреть в контексте:

Широкое вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс соответствует общемировой практике и тенденциям развития России. (п. 107 Концепции)

Из данного положения следует, что Россия действует в соответствии с принятыми во всем мире принципами и, значит, является частью мирового сообщества, вступает в отношения единения с ним. С другой стороны, семантика единения прослеживается также между другими акторами – институтами гражданского общества и представителями внешней политики (под последними мы имеем в виду не конкретные личности, а неких обобщенных акторов). Показательна в этом отношении лексема 'вовлечение', имеющая семантику сближения, объединения, совместных действий.

Выводы

Проблема дискурсивного конструирования социальных феноменов в институциональных типах дискурса не теряет своей актуальности: анализируются способы актуализации языковыми средствами общественных ценностей, социальных акторов, социально значимых событий и явлений, а также абстрактных категорий, выражающих общественные отношения между индивидуальными и коллективными акторами, такие, как отношения единения.

Лексика с морфемами *меж-/между-*, *взаимо-* и *обще-* образует востребованный ресурс для конструирования семантики единения в тексте Концепции внешней политики РФ. Значительное количество самих единиц, а также частотность их употребления подтверждается количественными подсчетами, проведенными посредством автоматической обработки текста.

Семантика единения данных групп лексики обусловлена, с одной стороны, непосредственно морфемной структурой слов, и в этом смысле она исходит из языковой системы. С другой стороны, семантика единения формируется контекстуально, за счет сочетаемости выделенных лексических единиц с другими, также носителями семантики единения или близкой к ней семантики взаимности, неединичности, равенства, сближения.

Анализ позволяет утверждать, что лексические единицы рассматриваемых групп связаны между собой несколькими дискурсивными механизмами, включая следующие:

1) появление рассматриваемых слов в сочетаниях с одними и теми же коллокатами (*обеспечение взаимодополняемости интеграционных процессов vs обеспечение взаимопонимания между народами vs обеспечение международной безопасности*);

2) появление выделенных лексем вместе в одних и тех же контекстах;

3) вступление ряда лексем в гипо-гиперонимические отношения, когда одна наиболее абстрактная единица (например, взаимодействие) выступает контекстуальным гиперонимом по отношению к целому ряду других.

Таким образом, формируется семантическое поле единения, охватывающее и сопряженные области смыслов взаимности, неединичности, равенства, сближения.

С точки зрения репрезентаций, нормативная картина единения строится по следующим моделям: – Россия и другой актер/ другие акторы осуществляют взаимные положительно оцениваемые действия; – Россия как член более общего и масштабного актора (мирового сообщества) следует общепринятым принципам, выступающим центром объединения. В обеих моделях единение получает положительный аксиологический статус. В составе словосочетаний с объектными отношениями единение и взаимность между актерами представлены как объект конструирующего воздействия со стороны государства. Допускаем, что расширение анализируемого материала приведет к выявлению других моделей единения.

Необходимо также сделать вывод методологического порядка. Полагаем, что предлагаемая в статье интегративная методика, объединяющая анализ морфемной структуры и лексических значений слов, выявление их частотности и типичной сочетаемости посредством автоматической обработки в сочетании с элементами качественного анализа (интерпретацией контекстуальных смыслов), может быть продуктивно использована для анализа семантики политико-правовых и юридических текстов, в том числе на материале больших корпусов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаврилова, М. В. Дискурсивное конструирование понятия «президент» в русском политическом дискурсе / М. В. Гаврилова // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 87–109.

Дубровская, Т. В. Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе: политические акторы и стратегии репрезентации / Т. В. Дубровская // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1(26). – С. 10–21.

Дубровская, Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) / Т. В. Дубровская // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 117–123.

Иванова, С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5(59). – С. 28–37.

Князев, Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.

Кожемякин, Е. А. Предисловие / Е. А. Кожемякин, А. В. Полонский // Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография. – Белгород: ИД Белгород, 2016. – С. 5–6.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptiCkV6BZ29/content/id/2542248 (19.07.2020).

Мушинский, М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом / М. А. Мушинский // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 488–499.

Осколова, Т. Л. Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ / Т. Л. Осколова // Дискурс-Пи. – 2020. – № 1(38). – С. 126–139.

Русакова, О. Ф. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти / О. Ф. Русакова, Е. Д. Кочнева // Дискурс-Пи. – 2017. – № 3–4 (28–29). – С. 17–30.

Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – Москва: Наука, 1980. – 789 с.

Солопова, О. А. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола Победы и Russia's V-day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2018. – Т. 22. – № 2. – С. 313–337.

Al Saeed, N. The language of Egyptian interrogations: a study of suspects' resistance to implicatures and presuppositions in prosecution questions / N. Al Saeed // Legal Pragmatics. D. Kurzon, B. Kryk-Kastovsky (eds.) Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2018. – P. 157–179.

Baker, P. Key terms in discourse analysis / P. Baker, S. Ellece. – London: Continuum, 2011. – 234 p.

Benke, G. The discursive construction of individual memories: How Austrian "Wehrmacht" soldiers remember WWII / G. Benke, R. Wodak // Re/reading the past. Critical and functional perspectives on time and value. J. R. Martin, R. Wodak (eds.) – Amsterdam: John Benjamins, 2003. – P. 115–138.

Dubrovskaya, T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse / T. Dubrovskaya, T. Kharlamova // Philologia Hispalensis. – 2012. – No. 26/1–2. – P. 107–127.

Dubrovskaya, T. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations / T. Dubrovskaya, E. Kozhemyakin // Critical Discourse Studies. – 2017. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 90–107.

Hodge, R. Language as Ideology/ R. Hodge, G. Kress.– London: Routledge and Kegan Paul, 1993.– 230 p.

Höög, C. N. Core values in public administration: tools for openness and democracy? / C. N. Höög // *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines.*– 2020.– Vol. 11 (2).– P. 213–234.

Johnson, A. “How came you not to cry out?” Pragmatic effects of negative questioning in child rape trials in the Old Bailey Proceedings 1730–1798 / A. Johnson // *Legal Pragmatics.* D. Kurzon, B. Kryk-Kastovsky (eds.).– Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2018.– P. 41–64.

Pantti, M. The value of emotion: An examination of television journalists’ notions on emotionality / M. Pantti // *European Journal of Communication.*– 2010.– No. 25 (2).– P. 168–181.

Schneider, K. P. When is an insult a crime? On diverging conceptualizations and changing legislation / K. P. Schneider, D. Zielasko // *The Pragmatic Turn in Law. Inference and Interpretation in Legal Discourse.* J. Giltrow and D. Stein (eds.).– Boston, Berlin: De Gruyter Mouton, 2017.– P. 187–204.

Sowińska, A. A. Critical Search for Values in George W. Bush’s State of the Union Addresses / A. A. Sowińska.– Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015.– 270 p.

Vogel, F. Calculating legal meanings? Drawbacks and opportunities of corpus-assisted legal linguistics to make the law (more) explicit / F. Vogel // *The Pragmatic Turn in Law. Inference and Interpretation in Legal Discourse.* J. Giltrow and D. Stein (eds.).– Boston, Berlin: De Gruyter Mouton, 2017.– P. 287–306.

REFERENCES:

Dubrovskaya, T. V. Juridicheskiy diskurs kak predmet sotsialnogo konstruksionizma (konstruirovaniye mezhnatsionalnykh otnosheniy) / T. V. Dubrovskaya // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.*– 2016.– № 3.– S. 117–123.

Dubrovskaya, T. V. Konstruirovaniye Zapada v rossijskom vneshnepoliticheskom diskurse: politicheskije aktory i strategii reprezentatsii / T. V. Dubrovskaya // *Dikurs-Pi.*– 2017.– № 1(26).– S. 10–21.

Gavrilova, M. V. Diskursivnoje konstruirovaniye ponyatija ‘prezident’ v russkom politicheskom diskurse / M. V. Gavrilova // *Politicheskaja nauka.*– 2020.– № 2.– S. 87–109.

Ivanova, S. V. Lingvisticheskaja resursnaya baza informatsionnoj vojny: sozdaniye efekta demonizatsii / S. V. Ivanova // *Politicheskaja lingvistika.*– 2016.– № 5(59).– S. 28–37.

Knyazev, Ju. P. Grammaticheskaya semantika: Russkiy jazyk v tipologicheskoy perspective / Ju. P. Knyazev.– Moskva: Jazyki slavyanskikh kultur, 2007.– 704 s.

Kontseptsija vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federatsii V. V. Putinyam 30 nojabrya 2016).– [Электронный ресурс].– URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (19.07.2020).

Kozhemyakin, E. A. Predisloviye / E. A. Kozhemyakin // *Sovremenny diskurs-analiz: povestka dnya, problematika, perspektivy: kollektivnaya monographiya.* – Belgorod: ID Belgorod, 2016. – S. 5–6.

Mushinskij, M. A. Strategiji, kontseptsii, doktriny v provovoj sisteme Rossijskoj Federatsii: problem statusa, juridicheskoy tekhniki I sootnoshenija drug s drugom / M. A. Mushinskij // *Juridicheskaja tekhnika.* – 2015. – № 9. – S. 488–499.

Oskolova, T. L. Sirijskaja vojna 2014–2019: diskurs anglojazychnykh SMI / T. L. Oskolova // *Dikurs-Pi.* – 2020. – № 1(38). – S. 126–139.

Rusakova, O. F. Otsenki Oktyabrskoj revolutsii v oftsialnom diskurse politiki pamyati / O. F. Rusakova // *Dikurs-Pi.* – 2017. – № 3–4 (28–29). – S. 17–30.

Russkaja grammatika. T. I. Fonetika. Fonologija. Udarenije. Intonatsija. Slovoobrazovanie. Morfologija. – Moskva: Nauka, 1980. – 789 s.

Solopova, O. A. Diakhronicheskij analiz metaphor v britanskom korpuse tekstov: kolokola Pobedy i Russia's V-day / O. A. Solopova // *Vestnik Rossijskogo universiteta Druzhyby narodov. Serija: Lingvistika.* – 2018. – Vol.22. – № 2. – S. 313–337.

Al Saeed N. The language of Egyptian interrogations: a study of suspects' resistance to implicatures and presuppositions in prosecution questions / Al Saeed N. // *Legal Pragmatics.* D. Kurzon, B. Kryk-Kastovsky (eds.). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2018. – P. 157–179.

Baker, P. Key terms in discourse analysis / P. Baker, S. Ellece. – London: Continuum, 2011. – 234 p.

Benke G. The discursive construction of individual memories: How Austrian “Wehrmacht” soldiers remember WWII / G. Benke, R. Wodak // *Re/reading the past. Critical and functional perspectives on time and value.* J. R. Martin, R. Wodak (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 2003. – P. 115–138.

Dubrovskaya, T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse / T. Dubrovskaya // *Philologia Hispalensis.* – 2012. – № 26/1–2. – S.107–127.

Dubrovskaya, T. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations / T. Dubrovskaya // *Critical Discourse Studies.* – 2017. – Vol.14. Issue 1. – S. 90–107.

Hodge, R. Language as Ideology / R. Hodge, G. Kress. – London: Routledge and Kegan Paul, 1993. – 230 p.

Höög, C. N. Core values in public administration: tools for openness and democracy? / C. N. Höög // *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines.* – 2020. – Vol. 11 (2). – P. 213–234.

Johnson, A. “How came you not to cry out?” Pragmatic effects of negative questioning in child rape trials in the Old Bailey Proceedings 1730–1798 / A. Johnson // *Legal Pragmatics.* D. Kurzon, B. Kryk-Kastovsky (eds.). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2018. – P. 41–64.

Pantti, M. The value of emotion: An examination of television journalists' notions on emotionality / M. Pantti // *European Journal of Communication.* – 2010. – № 25 (2). – P. 168–181.

Schneider, K. P. When is an insult a crime? On diverging conceptualizations and changing legislation / K. P. Schneider // *The Pragmatic Turn in Law. Inference and Interpretation in Legal Discourse*. J. Giltrow and D. Stein (eds.) – Boston, Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. – P. 187–204.

Sowińska, A. A Critical Search for Values in George W. Bush's State of the Union Addresses / A. Sowińska. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. – 270 p.

Vogel, F. Calculating legal meanings? Drawbacks and opportunities of corpus-assisted legal linguistics to make the law (more) explicit / F. Vogel // *The Pragmatic Turn in Law. Inference and Interpretation in Legal Discourse*. J. Giltrow and D. Stein (eds.). – Boston, Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. – P. 287–306.